

– М., 1988.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. – М., 2006.

Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. – М., 2003.

Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

Москвин В.П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

© Балашова Л.В., 2006

**Джессика Бейн, Катрина Статс, Наталия Чабан,
Крайстчерч (Новая Зеландия), Аделаида (Австралия)**

Перевод: Зайцева А.Б.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФРАНКЕНШТЕЙН» ИЛИ «ФИНАНСОВЫЙ ГАРГАНТЮА»?:

метафоры персонификации при освещении расширения евросоюза в новостях Австралии

Abstract

This paper aims to highlight the peculiarities of the EU's imagery created outside the Union's borders. It also attempts to alert the stakeholders about the stereotypes of a newly enlarged EU currently being cemented around the world. The paper scrutinised two cases – Australian and New Zealand news media representations of EU enlargement by means of the conceptual metaphor of personification.

***

Полагают, что полное понимание сути Евросоюза (ЕС) является ключевой проблемой, которая встает перед ЕС и его гражданами. Напр., Жан-Кристоф Филори, представитель Уполномоченного по Расширению, утверждает, что «проблема в том, что Евросоюз не понимают, и необходимо ликвидировать разрыв между ЕС и его гражданами» (Lydia Bell). Марго Валлстрем, вице-президент Комиссии ЕС, повторила эту идею, рассматривая отсутствие «общего нарратива» о самой сущности Европы: «настоящая проблема в Европе в том, что нет согласия и понимания того, для чего Европа и куда она идет» (Margot Wallström). Чтобы решать вопросы «демократического» и «коммуникативного дефицита» (см. Christoph Meyer; Claes H. de Vreese; Margot Wallström) В

ЕС, европейские политики изобрели новую коммуникативную стратегию, также известную как «План-Д» (где «Д» означает диалог, дебаты и демократия) (Margot Wallström). Однако в «Плане-Д» игнорируется один ключевой фактор понимания ЕС, а именно во внимание не берутся внешние образы и восприятия Союза. Возможно, что видение себя глазами Других может способствовать идентификации Себя. Следовательно, цель данной работы – информационный прорыв для исследователей ЕС, для лиц, принимающих решение и для всех, интересующихся представлениями о ЕС за границами Союза и о значении этих представлений для развития Союза и его взаимодействия со всем миром.

Считается, что среднестатистические граждане Европы мало знают о Евросоюзе, членами которого являются их страны, помимо того, что они читают в прессе и смотрят в телевизионных новостях (Lydia Bell). Мы считаем, что такое незнание еще более велико в странах, не принадлежащих к ЕС. В Австралии, которая является «Чужим» по отношению к ЕС (что и стоит в центре данного исследования), большая часть информации о Евросоюзе поступает исключительно из новостей в СМИ [Chaban, Holland 2005]. Используя когнитивный метод концептуальной метафоры (понимаемой в традиции Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона) [Lakoff, Johnson 2003], данная работа представляет собой исследование образа Евросоюза в дискурсах СМИ двух стран Австралии – Австралии и Новой Зеландии. Высокочастотные метафоры в дискурсах СМИ двух стран предположительно используются местными СМИ для создания образа ЕС как важного иностранного аналога Австралии. Мы полагаем, что живые, действенные и эффективные метафорические категоризации этого далекого Чужого выделяют некоторые из его концептуальных измерений и игнорируют другие, чтобы создать для местной аудитории новостей определенный образ Евросоюза.

В данной работе исследуется конкретный случай репрезентаций значительного Чужого в новостях – концептуальная метафора *персонификации*. Наблюдения показали, что эта концептуальная метафора лежит в основании значительного количества лингвистических метафор, обнаруженных в текстах новостей Австралии и Новой Зеландии, освещающих ЕС в целом и его расширение в частности. В данной работе мы утверждаем, что концептуализация расширения ЕС в публичных дискурсах Австралии находится под влиянием метафорической категоризации *персонификации*, которая объединяет специфическую образность и ее последующую долгосрочную оценку. Мы полагаем, что широко и часто распространенные средствами массовой информации в различных формах образы, которые являются результатом доминантной метафорической категоризации, имеют серьезные и подлин-

ные импликации для мира иностранной политики как на уровне ответственности, так и на уровне принятия политических решений в регионе. Согласно Джоупу Леерсену, «хотя вера иррациональна, влияние этой веры не является нереальным» (Joep Leerssen).

МЕТАФОРА ПЕРСОНИФИКАЦИИ. По словам Софии Брострем, «образы – чрезвычайно богатые и объединяемые единицы информации, которые передают всю свою информацию сразу и которые не легко разделяются» [Sofia Broström 1994: 38]. Качественный анализ образности проводится через изучение буквальных и метафорических репрезентаций. Метафорические категоризации представляют особый интерес в случаях, когда у реципиентов информации еще не сформировалось определенное мнение. При том, что новости из-за рубежа кажутся далекими, невидимыми, недостижимыми и следовательно не имеющими отношения к жизни страны, считается, что при осмыслении международной политики публика в основном использует метафорическое мышление [Lakoff 2004]. Таким образом, чтобы показать, как выражен в публичных дискурсах Австралии сложный концепт внешней политики «Расширение ЕС», в данной работе систематически рассмотрено употребление лингвистического образного средства – метафоры – составителями международных новостей в регионе.

Метафора, которую Жак Деррида провозгласил центром философии и мысли [цит: Raymond Gozzi 1999: 39], стала «звездой дискурса XX-го века» [Raymond Gozzi 1999: 30]. С тех пор появилось множество теорий, изучающих явление метафоры. Данная работа придерживается «когнитивного подхода», а именно, теории «концептуальной метафоры» [Lakoff, Johnson 2003] Дж. Лакоффа и М. Джонсона при понимании и определении метафоры. При данном подходе метафора понимается как сложный процесс, при котором «сплетение» ассоциированных значений из сферы-источника проецируются на другие «сплетения», чтобы описать черты другого «сплетения», сферы-мишени [Dylan Glynn 2002: 542]. Такое проецирование знакомым и понятным образом вызывает и заново закрепляет когнитивные структуры сферы-источника, при этом автоматически происходит перенос логических и культурных заключений концептуальных аналогий [Otto Santa Ana 1999: 217]. Напр., абстрактное понятие ЛЮБОВЬ (сфера-мишень) часто понимается в терминах весьма конкретного понятия ВОЙНА (сфера-источник): «He is known for his many rapid conquests» / «Он известен множеством быстрых завоеваний», «She fought for him, but his mistress won out» / «Она боролась за него, но победила его любовница», «He fled from her advances» / «Он спасался бегством от ее наступления», «She is besieged by suitors» / «Ее осаждают поклонники», и т.д. [Lakoff, Johnson 2003: 49]. Результат такого концептуального проецирования, которое применяется к данным парам *источник-мишень*, – *концептуальная метафора*. В вышеописанном примере это концептуаль-

ная метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА. Другими словами, концептуальные метафоры – это «семантические переносы, которые принимают форму СФЕРА-МИШЕНЬ – ЭТО СФЕРА-ИСТОЧНИК [Richard Bailey 2003]. Полагают, что эти переносы могут мотивировать и моделировать повседневные письменные или устные метафорические языковые выражения.

Многие исследователи, включая выдающихся Лакоффа и Джонсона [2003: 7-14], придавали большое значение этому структурирующему аспекту концептуальных метафор. В этом отношении понятие концептуальной метафоры сходно с понятиями, разработанными в более ранних исследованиях, такими как «продуктивные метафоры», «конститутивные аналогии», «научные парадигмы» и «корневые метафоры» [цит.: David E. Leary 1995]. Структурирующий аспект концептуальной (или «корневой») метафоры был описан Пеппером: «Человек, пытающийся понять мир, ищет ключ к его пониманию. Он сталкивается с какой-либо областью действительности и пытается в ее терминах осмыслить другие области. Эта оригинальная идея становится затем его основной аналогией, или корневой метафорой. Он, как может, описывает характеристики этой понятийной области, или распознает ее структуру. Список ее структурных характеристик становится его основными концептами для объяснения и описания. Мы называем их набором категорий. В терминах этих категорий он может изучать другие области действительности. Он пытается интерпретировать все факты в терминах данных категорий» [цит.: David E. Leary 1995].

Систематические исследования кластеров лингвистических метафор открывают метафоры на концептуальном уровне. Последние являются основой первых, производя ментальные структуры для интерпретации явлений, подвергающихся категоризации. В данной работе анализ ограничивается концептуальными метафорами *персонификации* и их структурами, проявляющимися в текстах новостей, освещающих расширение ЕС в Австралии, используется определение метафор *персонификации*, сформулированное Лакоффом и Джонсоном: метафоры персонификации – это метафоры, в которых материальный объект интерпретируется как человек [Lakoff, Johnson 2003: 33].

Метафоры *персонификации* всегда привлекали внимание исследователей. Их исследовал римский ритор Квинтилиан в I веке н.э.: он отмечал, что метафора может переносить из неодушевленной сферы в одушевленную [цит.: Raymond Gozzi 1999: 51. Три другие пары, исследованные Квинтиллианом, – *одушевленное в неодушевленное, неодушевленное в неодушевленное и одушевленное в одушевленное*]. Гораздо позднее Лакофф и Джонсон приняли и развили понятие *персонификации* в своей теории концептуальной метафоры, отметив, что метафоры *персонификации* позволяют «осмыслить наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей»

[Lakoff, Johnson 2003: 33]. Аспекты человеческого существования бесчисленны, так что когнитивный процесс метафорической категоризации в терминах *персонификации* чрезвычайно разнообразен. Кластеры лингвистических метафор, произведенные данной концептуальной метафорой, могли бы, к примеру, описать какие-либо культурные феномены, типичные для социального сосуществования индивидуумов (напр., война, семейная жизнь, романтические отношения и др.). Или же они могут быть тесно связаны с метафорами, воплощающими общие аспекты человеческого / телесного опыта (напр., физическое и эмоциональное здоровье человека и его поддержание).

И Рэймонд Гоцци (1999), и Джордж Лакофф (2004) утверждают, что метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК является одной из основных метафор, лежащих в основе концептов внешней политики. Когда государства описывают данной метафорой, в них видят присущие им характеры, что ведет к описанию государств как «миролюбивых и агрессивных, ответственных и безответственных, трудолюбивых и ленивых». Мы пришли к выводу, что не только отдельные государства, но и международные образования (такие как ЕС, ООН, Всемирная Торговая Организация и другие) могут быть концептуализированы как «человек», вовлеченный в социальные отношения в рамках мирового сообщества. В данном исследовании четко осознается, что Евросоюз не является государством, однако отмечено, что в политическом дискурсе и дискурсе СМИ (как в Союзе, так и за его пределами) ЕС часто сравнивают с государством буквально и метафорически. Так, Мэннерс и Уитман отмечали, что зачастую иностранные партнеры понимают ЕС и отзываются о нем как о государстве [Ian Manners, Rischard Whitman, 1998: 237]. Такое понимание приписывается сложности и беспрецедентности Евросоюза. Как журналистам, составляющим репортажи о ЕС для внутренней и внешней аудитории, так и людям, воспринимающим местные и международные новости, сложно осмыслить феномен Евросоюза, который находится между наднациональными амбициями и межправительственными переговорами, управляется группой разнообразных политических институтов. Соответственно, метафорические категоризации, рассмотренные в данной работе, часто описывают ЕС как «человека», который живет «по соседству» и имеет «соседей», «друзей» и «врагов», он участвует в разных видах социального взаимодействия, напр., «клуб», «семья», «романтические отношения», в разных видах социальной деятельности, напр., «война», «соревнование», «учеба в школе», «азартные игры» и др. Такие концептуализации знакомы и легко узнаваемы, так что использование их в дискурсе СМИ облегчает понимание сложного явления, делает его «готовым к употреблению» как журналистами, так и публикой.

Концептуальные метафоры имеют свои структуры, которые используются в дискурсах убеждения – а именно в политическом и в дискурсе СМИ – для того, чтобы наводить на конкретные выводы и оказывать влияние на эмоции. Мы считаем, что метафоры *персонификации* исключительно сильны в данном контексте. Эти метафоры помогают аудитории новостей осмысливать и интерпретировать сложные и неясные явления международной политики (в нашем случае – ЕС) в знакомых, повседневных терминах, то есть в терминах человеческого взаимодействия и существования [Lakoff, Johnson 2003: 34]. В конечном счете метафоры *персонификации* могут формировать не только мнение о сложных явлениях и деятелях внешней политики, но и формулировать образ действий по отношению к ним. Описание в СМИ международных действий в терминах действий, предпринимаемых государствами как «настоящими» людьми, побуждает аудиторию новостей как к созданию образа Других (по отношению к их стране), так и к формированию эмоционального отношения к этому образу наиболее выгодным образом. В критических ситуациях такие эмотивные предположения могут привести к тому, что политики, участвующие во внешнеполитических делах, получают обратную связь со стороны аудитории (напр., антивоенные протесты во время войны во Вьетнаме и, позже, войны в Ираке после того, как в средствах массовой информации появлялись разоблачающие образы; протесты мусульманской общности по всему миру после появления карикатуры с религиозной тематикой; публичные выступления в России, которые последовали за 24-часовой телевизионной трансляцией новостей о Бесланской трагедии; благотворительные пожертвования стали собираться по всему миру после того, как в новостях были освещены разрушительные последствия цунами в Азии и др.).

Цель данного исследования – дать ответ на два вопроса: 1. Какие образы расширяющегося ЕС были переданы широкой публике посредством концептуальной метафоры *персонификации* в дискурсах СМИ Австралии и Новой Зеландии? 2. Каким образом глубокие концептуальные структуры метафор *персонификации* способствуют категоризации ЕС в двух публичных дискурсах стран Австралазии и каковы их последствия для диалога ЕС с Австралией и Новой Зеландией?

ДАННЫЕ. Данная работа представляет собой дискурсивный ин-тертекстуальный анализ доминантных и вторичных метафорических категоризаций, составляющих концептуальную метафору *персонификации*, использованных при освещении расширения ЕС в текстах новостей в Австралии Новой Зеландии. Под *доминантными* (высокочастотными) метафорами понимаются те, которые использовались с относительно большей частотностью и встречались в большем разнообразии

форм [Otto Santa Ana 1999: 198]. В отличие от них, метафоры, которые встречались менее часто и в меньшем разнообразии форм, названы *вторичными*.

Австралия и Новая Зеландия – страны Тихоокеанского региона, участники ОЭСР (Организация по экономическому сотрудничеству и развитию). Обе страны имели многочисленные исторические и культурные связи с Европой в прошлом и настоящем. Напр., активное сотрудничество с Великобританией, драматическое участие в двух мировых войнах в Европе, а также эти связи видны в Европейском туризме и иммиграции. Кроме того, обе страны имеют существенные экономические связи с ЕС: Евросоюз, состоящий из 25 стран-участниц, – один из трех ведущих торговых партнеров обеих стран и один из основных инвесторов в экономику Австралазии. Однако, несмотря на такое одинаковое сотрудничество с ЕС, политическое отношение Австралии и Новой Зеландии к Евросоюзу отличается. Австралийское правительство иногда предпочитает поддерживать во внешней политике США, а Новая Зеландия, наоборот, часто поддерживает внешнеполитический статус ЕС. Наиболее яркие примеры разницы во взглядах на международную политику этих двух стран Австралазии – их действия по отношению к ратификации Киотского Протокола и к войне в Ираке (в этих вопросах ЕС и США также занимают разные позиции). Кроме того, некоторые внутривнутриполитические линии данных стран повторяют особенности внутренней политики США (в случае с Австралией) и ЕС (в случае с Новой Зеландией). Прежде всего это касается благосостояния государства (Новая Зеландия разделяет взгляды на благосостояние, типичные для некоторых государств ЕС) и прав человека (Австралия, напр., не поддержала объединение прав человека и торговли в Основном Соглашении с ЕС, которое окончательно потерпело неудачу в 1997) (Полагают, что правительство Австралии было против соединения прав человека и торговли в Соглашении из-за беспокойства о том, что для решения национальных разногласий, таких как вопросы о правах коренного населения и профсоюзные споры, можно будет обращаться за поддержкой в ЕС. [см Fred Brenchley 1997]). Принимая во внимание такую разницу двух политических парадигм в Австралазии, в данной работе мы делаем попытку выявить и сравнить метафорические категоризации *персонификации*, использованные для освещения расширения ЕС в новостях авторитетных СМИ двух стран.

Самое крупное и самое спорное в истории ЕС вступление в него восьми бывших коммунистических стран и двух небольших средиземноморских государств 1 мая 2004 неизбежно стало самым ярким событием, освещенным в СМИ Австралии и Новой Зеландии в 2004 г.. Пользуясь результатами проекта *Восприятие Европейского Союза обществом, элитой и СМИ в странах азиатской части тихоокеанского региона: Сопоставительное исследование* (Проект был основан с

целью изучения связи между восприятием Евросоюза обществом, элитой и СМИ в четырех азиатских странах Тихого океана – Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Тайланда. Проект состоял из трех частей. Для получения данных по трем группам применялись различные методы – контент-анализ местных СМИ, социологические исследования и подробные интервью с представителями политической, деловой и медиа элиты. Для более подробной информации [см. www.europe.canterbury.ac.nz /app/]), в данной работе мы обработали с помощью контент-анализа десять газет в двух странах и четыре программы новостей (вещающих в прайм-тайм) наиболее популярных телеканалов (Новозеландские газеты, использованные в проекте: *The New Zealand Herald*, *The Waikato Times*, *The Dominion Post*, *The Press*, and *The Otago Daily Times*. Австралийские газеты включали: *The Herald-Sun*, *The Sydney Morning Herald*, *The Australian*, *The Australian Financial Review*, и *The Canberra Times*. Телевизионные выпуски новостей в Новой Зеландии: *TV1 в 6.00* и *TV3 в 18.00*, в Австралии *The ABC National Nightly News в 19.00* и *The Channel Nine Nightly News bulletin в 18.00*) Австралии и Новой Зеландии за «точный» период расширения ЕС – с апреля по июнь 2004 г.. Расширение было знаменательным событием всего года. «Точный» период охватывает само событие, а также предварительную агитацию и анализ после празднования события.

Было выявлено, что в пяти газетах Новой Зеландии опубликовали 53 статьи о расширении ЕС в период с апреля по июнь 2004 г.. Австралийские газеты опубликовали 102 статьи на эту тему за обозначенный период. В обеих странах эти цифры составили почти 9% от всего объема освещения темы в 2004 г.. Телевизионный материал составил 9 программ новостей в Новой Зеландии (или 41% всех телевизионных новостей о Евросоюзе в 2004 г.) и 5 в Австралии (или 33% всех теленовостей).

В печатных СМИ было собрано четыре обширных набора метафорических выражений – 219 метафорических примеров из газет Новой Зеландии, 36 из телевизионных новостей Новой Зеландии, 616 из статей австралийских газет и 31 из Австралийских телевизионных новостей, освещающих различные аспекты расширения ЕС. Лингвистические метафоры, относящиеся к концептуальной метафоре *персонификации*, составили приблизительно 38% от метафор в Австралии и 32% в Новой Зеландии. Примеры метафор персонификации в телевизионных новостях составили 58% всех метафорических примеров в Австралии и 47% в Новой Зеландии (Для сравнения, метафора *пространственности*, еще одна существенная группа метафорических категоризаций о расширении ЕС, составила 30% от всех метафорических примеров в австралийской прессе и 39% в новозеландской; также 29% всех метафорических словоупотреблений в австралийских теленовостях и 44% в новозеландских).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ДОМИНАНТНЫЕ МЕТАФОРЫ ПЕРСОНИФИКАЦИИ. Мы полагаем, что метафоры персонификации при описании расширения ЕС в новостях Австралии представлены

двумя фреймами, а также они способствовали их формированию. Оба фрейма – КЛУБ и СЕМЬЯ – концептуально обоснованы социо-культурным опытом людей. Фрейм КЛУБ представлен описанием ЕС (15 участников) как **«культурного клуба»** христианских и пост-христианских наций» (*Sydney Morning Herald*) или **«Клуба Евро»** (*ABC News*), новые члены – «новички», вступают в клуб, их принимают или нет. Фрейм СЕМЬЯ был часто представлен метафорой «большая европейская **семья**» (*Canberra Times*), в которую входят новые члены.

Клуб / Club. В сценарии «КЛУБ» 15 старых членов ЕС были представлены как разборчивые богатые члены эксклюзивного клуба для избранных, а новые члены были описаны как бедные новички, умоляющие принять их. Старые участники ЕС часто изображались как **«клуб богачей»** / **«rich man's club»** (Peter Wilson) **«привилегированных богатых стран»** / **«privileged, highly affluent countries»** (Peter Fray). Этот «клуб» – предмет мечтаний новых членов, и они **«умоляют»** / **«crave»** (*Sydney Morning Herald*) принять их, они терпеливо **«постоят в очереди»** / **«queue»** (Gwynne Dyer) или **«запишутся»** / **«list»** (*Canberra Times*), **«встает в строй»** / **«lining up»** (Geoff Kitney), чтобы получить доступ в так называемый **«сад Европы»** / **«garden of Europe»** (Geoff Kitney). До того, как государства, не являющиеся членами ЕС **«подготавливаются»** / **«qualify»** (*The Australian*) и их признают **«годными»** / **«fit»** (*TV1 News*) к тому, чтобы быть членами союза, они **«колотят в дверь»** / **«bang on the door»** (Gwynne Dyer). Этим самым они «разрушают спокойствие сплоченного и одинаково мыслящего Европейского **клуба»** / disrupting «the cosy days of a close and like-minded European **club»** (Michael Meyer), а **«старшние»** члены / **«senior» members** (Alan Kennedy) и **«старожилы»** / **«old-timers»** (*TV3 News*) (такие как Германия, Франция и Великобритания), находящиеся внутри клуба, **«нервничают»** / **«fret»** (*Canberra Times*).

Пока новые государства были вовлечены в **«борьбу за то, чтобы их впустили»** / **«a struggle to be admitted»** (*Canberra Times*), старый Евросоюз, включающий 15 государств, изображали как привратника. Когда речь идет о месте, куда ограничен доступ, метафоры дверей имеют как позитивный (открытые двери), так и негативный (закрытые двери) потенциал. В СМИ Австралии последний представлен гораздо ярче. Было показано, что ЕС открывает двери новым членам, **«но не очень широко»** / **«but not too far»** (Peter Fray). Вместо того чтобы **«приветствовать [новых членов] с распростертыми объятиями»** / **«welcome [entrants] with open arms»**, ЕС **«приветствуем их с наполовину открытой дверью»** / **«is welcoming them with the door half open»** (Peter Fray). Изредка, будучи местом, куда открыт доступ, **«приветствующим»** / **«welcoming»** (*TV3 News*) и **«распахивающим**

свои двери перед новичками из Восточной Европы» / **«throwing open its doors to newcomers from Eastern Europe»** (Catherine Field), Евросоюз чаще описывается как место с ограниченным доступом, напр., как тщательно охраняемая **«крепость»** / **«fortress»** (Neal Wallace), в которой только и ищут возможность **«ограничить»** / **«restrict»** (Colin Espiner) или **«запретить»** / **«deny»** (Stephen Brook) доступ новым членам. Такие действия побудили одного комментатора спросить, **«захочет ли когда-либо Евросоюз открыть свои двери»** / **«if the EU would ever be willing to open its doors»** (*Sydney Morning Herald*) 60 миллионам турецких мусульман.

Семья / Family. При том, что концептуальная метафора ЕС – ЭТО КЛУБ содержит двойственность – некоторые члены находятся внутри, а других держат снаружи, сценарий «СЕМЬЯ» содержит аналогичную «внутреннюю оппозицию». А именно, 15 членов ЕС часто концептуализируются как старшие, более мудрые и более богатые родственники в этой «семье», им противопоставлены более молодые и бедные дальние родственники (новые государства-участники Евросоюза), которым иногда не хватает жизненного опыта. Первые представлены в роли хозяев, принимающих новых родственников в «Европейском **общем доме»** / «European **common house»** (Michael Meyer). Австралийские новости представляли вступление государств Восточной Европы как «возвращение в Европейскую **семью»** / «return to [the] European **family»** (Wojciech Moskwa). Новые государства-участники **«возвращались домой»** / **«returning home»** (Catherine Field) после **«странствий по востоку»** / **«wandering in the east»** (Alan Kennedy). Образы семьи были усилены образами теплой и приветливой атмосферы, в которой присутствует «радость, когда восток **[пришел] из холода»** / «joy as **east [came] from cold»** (Jonathan Este). Новым членам семьи был оказан радужный прием, старшие родственники **«обняли»** / **«embraced»** (*ABC News*) их.

Для **«юных** политических систем» / **«youthful political systems»** (*Canberra Times*) блудных сыновей-государств нужен был родительский образ. На эту роль претендовали некоторые европейские политики – бывшего канцлера Германии Гельмута Коля называли «одним из **отцов** европейского воссоединения» / «one of the **fathers** of European reunification» (Wojciech Moskwa), а президент Франции Жак Ширак по-отцовски **«бранил»** / **«berated»** (*Canberra Times*) новичков за то, что они поддерживали США и Британию в иракском конфликте.

Восстановленные родственные связи не стали, однако, сплоченной семьей. На самом деле оказалось, что, «когда лидеры 25 государств нового Евросоюза позировали для очередного **«семейного фото»** / **«family photo»**, даже опытные дипломаты с трудом могли вспомнить

имена некоторых политиков». Их называли **«пестрой толпой хороших, плохих и в некоторых случаях отвратительных»** / **«a motley collection of the good, the bad and in some cases the ugly»**. Должно быть эта **«семья»** / **«family»** (*Canberra Times*) была разочарована, узнав, что ее семейное «наследие» представляет собой немногим большее, чем «серия территориальных и этнических диспутов» (*Canberra Times*).

Так же как и в австралийских новостях, в новостях Новой Зеландии расширение ЕС активно было представлено в терминах семейных отношений. В то время как новозеландские телевизионные новости показывали, какой теплый прием был оказан новым государствам-участникам (вплоть до праздников, устроенных в их честь) (*TV3 News*), газетные комментаторы были более осторожны. Они предсказывали будущие проблемы, ожидающие «расширенную семью Европейского союза» / «enlarged European Union **family»** (*Otago Daily Times*). Обращение к Евросоюзу как к семье спровоцировало описание новых членов союза как **«бедных родственников»** / **«poorer cousins»** (Colin Espiner), которые соперничают за место за уже переполненным **«столом»** / **«table»** (*Otago Daily Times*). **«Что угодно, только не счастливая семья»** / **«anything but a happy family»**. 15 участников Евросоюза **«прохладно»** / in a **«chilly manner»** (Colin Espiner) приветствовали новых членов. Обеспокоенные возможностью потока мигрантов из восточноевропейских стран, правительства 15 стран ЕС «спешно подняли ограничения для членов, входящих в их европейскую семью / the **incoming members of their European family»** (Michael Meyer). Комментаторы также предсказывали, что в будущем **«семью»** расширенного Евросоюза / the «enlarged European Union **family»** (*Otago Daily Times*) ожидают проблемы.

В СМИ обеих тихоокеанских стран мы видим, что у членов только что расширившейся «семьи» ЕС есть разнообразные физические проблемы. Старые страны-участницы безоговорочно сравнивались с престарелыми, которым необходим заряд бодрости, которую, как уверены многие, могут обеспечить «молодые» государства-члены ЕС. Сами **«старожилы»** / **«old timers»** (*TV3*) страдают от экономического **«склероза»** / economic **«sclerosis»** (*Sydney Morning Herald*) и «политического паралича» / **«political paralysis»** (Geoff Kitney) и нуждаются в **«восстановлении сил»** / **«revival»** (Alan Kennedy), **«оживлению»** / **«resuscitation»** и **«помощи»** / **«boost»** (*Canberra Times*). Новые члены-государства рассматриваются как **«вливание новой крови»** / **«infusion of new blood»** и **«энергия», «подбадривающая» и «усиливающая»** ЕС / **«energy» «invigorating» and «strengthening»** the EU (Geoff Kitney). Влияние крупнейшего расширения ЕС было расценено как **«инъекция такой необходимой энергии»** в зону экономик ЕС / **«inject some much-needed energy into the EU zone economies»** (Geoff Kitney), как

«спасательная веревка», «укрепляющая» Союз как целое и его новых членов в отдельности / а «lifeline» (Peter Fray) «strengthening» the Union as a whole and its new members individually (*Herald Sun*).

Однако прогноз австралийских СМИ не был полностью положительным. По мнению австралийских СМИ, у стран-членов ЕС «впереди больше боли» / «more pain lies ahead» (*ABC News*). ЕС показан «слабым экономически и слабым на мировой арене» / «weak economically, and weak on the world stage» (*The Australian*), а также он «страдает от усиливающихся болей» / «suffering from growing pains» (Peter Wilson), что является результатом расширения. Эти страдания обострились оттого, что расширение совпало с «последними муками болезненных дебатов о новой конституции Союза» / «the final throes of a painful debate about the Union's new constitution». Процесс расширения иногда изображался как преждевременно родившийся ребенок – «рождение величайшего мирового торгового блока» произошло «слишком рано» / «the birth of the world's biggest trading bloc» (Wojciech Moskwa) had come «too soon» (Lydia Bell). Это существо иногда описывали как отвратительное и даже искусственно зачатое, также ЕС сравнивали с «политическим Франкенштейном» / «political Frankenstein» (Geoff Kitney).

Кроме того, новички из Восточной Европы были показаны страдающими от «всех видов осложнений коммунистической эры» / «all sorts of hangover problems of the communist era» (Geoff Kitney), возникших сразу после обретения независимости. После «шоковой терапии» / «shock therapy» (*Canberra Times*) ориентированными на рынок реформами восемь бывших коммунистических государств «постепенно вернули к жизни свои экономики» / «gradually revived their economies» (Jonathan Este). Напр., Болгарию однажды назвали «большим Европой» / the «sick man of Europe» (Stephen Brook), но по мере того, как она продвигалась к вступлению в ЕС, она медленно оживала. Экономические реформы в Словакии до вступления в ЕС были показаны как ведущие к «вырождению» государства / causing the state to «degenerate» (Stephen Brook), но своевременные ускоренные реформы остановили разрушительный процесс. Также они узнавали, что «все же со вступлением в ЕС связано много боли» / «there's still a lot of pain associated with joining the EU» (Peter Fray). Кроме того, казалось, что у старых членов ЕС заразная болезнь, и они могут «заразить» новичков своей политической слабостью и разлаженностью» / «infect the new with their political squeamishness and discord» (Geoff Kitney).

Новости Новой Зеландии в основном делали акцент на последствиях расширения для ЕС, и их диагноз был довольно печальным. Предполагалось, что старые государства-участники скорее всего «пострадают от Расширения» / «suffer from the Enlargement» в отноше-

нии растущей безработицы и перегруженной системы социального обеспечения (Colin Espiner). В перспективе им **«угрожает кровоизлияние** от массового ухода рабочих мест на Восток» / **«at threat, haemorrhaged** by an exodus of jobs to the East» (Catherine Field). Поддержка расширения до самого расширения со стороны старых государств-участников ЕС **«быстро увядала»** / was **«fading fast»** (Colin Espiner). У состоящего из 15 членов ЕС появлялся на свет ребенок, который **«был рожден преждевременно** и был слишком большим» / was **«premature and far too big a bite»**. Из-за того, что экономики старых членов ЕС воспринимались как слабые, и из-за страха перед чрезмерной иммиграцией Европа могла **«упустить величайший шанс получить дозу энергии** за все годы» / **«miss out on its biggest chance for a shot of energy** in years». Кроме того, был страх перед тем, что после присоединения к телу ЕС десяти **«неопытных юнцов»** / 10 **«fledgling»** new members (Catherine Field) расширенный Союз кончит **«параличом»** / wind up in **«paralysis»** (Otago Daily Times).

Метафоры здоровья включают образы пищи и ее потребления, которые, будучи обнаружены, были отнесены к человеческому здоровью. ЕС сравнили с «финансовым **Гаргантюа**» / **«fiscal Gargantua»** (Lydia Bell), который при своем огромном размере, **«переваривая** свежую пачку участников» / **«digesting** the latest batch of members» (Canberra Times), скорее всего когда-нибудь съест и сам ЕС. Если бы Союз оправился от последнего приема пищи, следующей, возможно, в ход пошла бы Турция и стала бы **«самой жесткой для переваривания»** / **«the toughest of all to digest»** (Peter Wilson). Хотя некоторые полагают, что **«самым большим и неперевариваемым куском**, который ЕС когда-либо пытался **проглотить»** / **«the biggest and the most indigestible lump** that the EU might ever try to **swallow»** (Gwynne Dyer) станет Россия. Таким образом, предсказывают, что такая сложная задача как присоединение десяти новых членов **«уменьшит аппетит»** / **«dampen any appetite»** (Peter Wilson) к последующему росту.

Пока, согласно некоторым австралийским обозревателям, будущее Европы **«некрасиво выглядит»** / **«not a pretty sight»** (Peter Fray), другие полагали, что расширение придавало ЕС **«новое лицо»** / **«new face»** (Peter Fray) и это стоило отпраздновать. Расширение **«драматически изменяло профиль** союза» / was **«dramatically altering the profile** of the union» (Chris Wright). Полагали, что это **«меняющееся лицо** Европы» / **«changing face** of Europe» (Richard Jinman, Victoria Hynes) наверняка **«значительно усилим»** / **«considerably enhanced»** (John Onto) бизнес и возможности рынка. Предполагали, что после **«подтяжки лица»** / **«face-lift»** ЕС сможет найти работу на глобальном подиуме, работая моделью для других «региональных блоков власти в Азии, Тихом океане, в

Южной Америке и Африке» (*Sydney Morning Herald*).

Раньше об Австралии говорили, что она **«ведет хозяйство втроем»** (живет «шведской семьей») / **«*kin a ménages à trois*»** с Америкой и Азией, а Европа не может даже **«войти в спальню»** / **«*get in the bedroom*»** (Tim Harcourt). Европе сложно было **«иметь шансы на успех»** / **«*get a look-in*»**, находясь в тени Азии, но сейчас Европа стала «слишком большой», чтобы Австралия ее **«не замечала»** / **«*to ignore*»** (John Onto). От **«дебютантов ЕС»** с их деловым потенциалом «австралийский бизнес уже **«облизывается»** / «the newest EU **debutants»** (*Canberra Times*) with their business potential were **«wetting the corporate lips of Australian business»** (John Onto). Новые государства-участники становились «даже **более близкими и более привлекательными партнерами** для Австралии в области политики, экономики и культуры» / an «even **closer and a more attractive partner** for Australia in political, economic and cultural domains» (*Canberra Times*). Мало кто удивляется тому, что австралийские политики, такие как министр иностранных дел Александр Даунер и министр иностранных дел теневого кабинета Кевин Радд, после расширения предприняли командировку с целью **«поухаживать за Европой»** / **«*court Europe*»** (John Kerin, Dennis Shanahan).

Сценарий романтических отношений также был использован для описания отношений старых и новых членов Евросоюза. До расширения государства Центральной и Восточной Европы преследовали романтические отношения с ЕС, который иногда сопротивлялся. Австралийская пресса при освещении расширения в изобилии использовала метафору романтических отношений. Официальные заявления, такие как «Европа **воссоединяется»** / «Europe's **getting reunited»** (*Herald Sun*) и «сегодня Европа **объединяется»** / «today, Europe **unites»** (*Sydney Morning Herald*) подразумевали празднование бракосочетания или повторного бракосочетания. Желая сделать союз совершенным и положить начало семье, новые члены ЕС стали подумывать о **«принятии евро»** (досл. усыновлении) / **«*adopting* the euro»** (*Canberra Times*). Кроме того, ЕС платил по обязательствам России, когда она вступила в новые отношения с Центральной и Восточной Европой. Россию, тем не менее, оставили в противоречивых чувствах, с огромным желанием тоже попасть в широкие объятия Европы и в страхе, что ее забудут и оставят (Helen Womack).

Говорили, что новые члены **«приняли»** (досл. обняли) свободный рынок с большим энтузиазмом, чем их западные коллеги» / «have **embraced** the free market more enthusiastically than their western colleagues» (Peter Wilson), в особенности Венгрия, наиболее ярый поклонник ЕС. О ней говорили, что она **«следует за своим сердцем** обратно в Европу» / «following its **heart** back into Europe» (James Jeffery) и выдвигает себя как

«**стабильный партнер**» / **«a stable partner»** (C Canberra Times), чей «**энтузиазм**» / **«enthusiasm»** Евросоюзу сложно будет упустить (James Jeffrey). В случае с Польшей, к ней романтично подкрадывался частный сектор Евросоюза, «**присматриваясь** к прибыльным возможностям, представленным многочисленной образованной рабочей силой и растущей экономикой Польши» / **«eying up** the lucrative opportunities presented by Poland's large, educated workforce and a growing economy» (Jonathan Este). Однако этот европейский роман был представлен в австралийской прессе не как самый гладкий. Способность Европы «находить **энтузиазм** к новым перспективам и **любопытство друг к другу**» / ability to «find **enthusiasm** for new prospects, and **curiosity about each other»** (Alan Kennedy) были поставлены под сомнение некоторыми обозревателями. В то время как новые государства-участники были «намерены поддерживать **партнерство** с ЕС» / were «determined to maintain their **partnership** with the EU» (Peter Wilson), старые члены ЕС были менее преданы этим отношениям. Как было показано в репортажах, 15 государств ЕС **«тепло обняли»** / **«warmly embracing»** лидеров девяти новых стран-участниц, «**оказали холодный прием** десятому – Кипру» / **«giving a cold shoulder** to the 10th, Cyprus» (Geoff Kitney). Было отмечено, что Чешская республика «имела **натянутые отношения** с Европой» / «endured **strained relationship** with Europe» (Stephen Brook) в прошлом. Продолжающаяся политическая нестабильность среди новых членов сделала их «партнерами, **сложными** в переговорах» / **«difficult** negotiating partners» (Peter Wilson). Также отмечалось, что новички – партнеры с **«разным положением»** / partners of **«unequal standing»** (The Australian) – в одной австралийской газете была приведена цитата из «Экономиста» (The Economist): «Пройдут десятилетия, прежде чем вновь вошедшие в ЕС страны станут также богаты, как и их партнеры на западе» / «It will be decades before the new entrants become as rich as their partners to the west» (Sydney Morning Herald). Государства-подражатели богатым соседям иногда были замечены в романтических перебранках друг с другом по пути к вступлению в ЕС. Напр., кандидаты на вступление в 2007 г. Болгария и Румыния **«лоббировали развод»** / **«lobbying** for divorce» – Болгария хотела, чтобы ее переговоры прошли «отдельно от Румынии» / **«decoupled** from Romania» (Stephen Brook).

В прессе Новой Зеландии метафора романтических отношений не была приоритетной, но когда ее использовали, она, в основном, передавала негативные отношения. До расширения бедные и политически нестабильные восточноевропейские государства **«держали на почтительном расстоянии»** / **«were kept at arm's length»** (Catherine Field) от ЕС. После расширения наблюдалась **«новая напряженность»** /

«**new strains**» (*Otago Daily Times*) между богатыми западными европейцами и бедными восточными европейцами. «Казанова»-Евросоюз вместо поцелуев раздавал **«пустые обещания»** / **«empty promises»** (John Burgess).

Такие проблематичные отношения характеризовались **«скандалами»** / **«rows»** и **«ссорами»** / **«spats»** (Michael Meyer), **«перебранками** из-за бюджета и субсидий» / **«squabbling over budgets and subsidies»** (Gwynne Dyer) и **«ведением** преувеличенных диспутов из-за власти и денег» / **«tackling looming disputes over power and money»** (*Otago Daily Times*), что делало их похожими на **«бесконечный бой быков»** / **«endless bullfight»** (*Sydney Morning Herald*), несмотря на недавнее воссоединение. Часто говорят, что ЕС использует «пряники» в качестве мотива для побуждения к проведению реформы для установления полного членства, а также говорят, что ЕС **«издевается»** / **«taunting»** над новыми членами своими обещаниями полной унификации. Между новыми членами ЕС в результате расширения завязалась драка (Peter Fray), и даже Россия участвовала в ней, **«упершишь** в вопросе об условиях жизни довольно многочисленной русской общественности в Латвии и Эстонии» / **«digging in its heels over the conditions of the sizable Russian communities in Latvia and Estonia»** (Helen Womack).

В результате писали, что и новые государства ЕС, и старые **«находятся в смешанных чувствах** по поводу того, какое значение это изменение будет иметь для них и для Европы» / **having «mixed feelings about what this change will mean for them and for Europe»** (Geoff Kitney). Хотя некоторые комментаторы отмечали, что **«радость привела к опасениям** и даже **враждебности»** / **«joy has given way to apprehension and even hostility»** со стороны и старых, и новых государств-участников, австралийские репортажи предсказывали, что **«энтузиазм** должен в значительной степени перевесить» тревоги / **«enthusiasm should vastly outweigh» the anxiety»** (*The Australian*). **«Тревожность»** / **«anxiety»**, сопровождавшую расширение, считали неизбежной. Для небольших новых государств (напр., для Мальты) расширение ЕС обернулось страхами, что крупные европейские государства **«разорят их»** / **fears about being «overwhelmed»** (Stephen Brook) или **«уничтожат»** / **«wiped out»** (*ABC News*). Для более крупных новичков (напр., Польши) результатом расширения стало чувство того, что их **«предали** решением ЕС отложить полное субсидирование новых членов ЕС на 10 лет» / **a feeling of being «betrayed by the EU's decision to postpone the full extent of subsidies for new members for 10 years»** (*The Australian*).

Во многих старых государствах-участниках ЕС воссоединение континента привело к **«страху»** / **«fear»** (*Canberra Times*) перед мигрантами из бывших коммунистических государств. Этот страх привел к публич-

ной **«истерии»** / **«hysteria»** по поводу того, что старые правительства ЕС не смогли ограничить доступ новичкам к общественному жилью и пособиям (Geoff Kitney). Естественно, несколько государств ЕС были замечены в **«недовольном настроении»** / in a **«grudging mood»** (*The Australian*) – многие из этих государств стали **«гораздо менее уверены»** / became **«much less confident»** (Peter Wilson) в расширении.

Образы отношений, окрашенные впечатлениями и эмоциями, были среди самых очевидных в новозеландских репортажах о расширении ЕС. Доминируют образы общих страхов, которые влияют на отношения между старыми и новыми членами ЕС. Граждане 15 старых государств-участников относились к расширению или **«безразлично, или со страхом»** / **«indifferent or afraid»** (Catherine Field) – расширение вызывало **«больше беспокойства, чем эйфорию»** / **«more angst than euphoria»** (Michael Meyer). Возможная иммиграция из новых государств ЕС повергла некоторые государства-участники старого ЕС (напр., Великобританию и Ирландию) в состояние **«истерии»** / **«hysteria»** на долгие месяцы (Anne McHardy). Сообщалось, что, чтобы **«успокоить измотанные нервы»** / **«calm frayed nerves»**, Международная Организация по Миграции (ИОМ) в Женеве выпускает серию исследований о влиянии расширения на старых и вновь вошедших членов Евросоюза (Colin Espiner). Граждан 15 государств ЕС **«преследовал призрак миграционной волны»** / **«spooked by hysteria over a migration wave»**. Новые государства тоже были показаны обеспокоенными последствиями расширения, хотя и по разным причинам. Политики-популисты в Восточной Европе **«раздували волнения»** / **«stirring up worries»**, и в результате мифы о крайностях в ЕС превратились в **«страшные истории»** / **«scare stories»** (Catherine Field).

Доминантные метафоры **персонификации**, содержащие образы Евросоюза как клуба и семьи, пронизаны оппозициями и противоречиями. В «клубе» Евро, клубе, известном эксклюзивностью и избирательностью, богатство и зрелость старых членов ЕС была противопоставлена молодости и бедности новичков. Этот контраст подчеркивался изображением наполовину открытых или закрытых дверей, что символизирует ограниченный доступ в элитный клуб, а также роль сторожа «закаленных» членов ЕС в процессе допуска. В европейской «семье» эти параллели и контрасты продолжились в дихотомии молодой бодрости новых членов ЕС (иногда неискренности и неуклюжести) и старых (а следовательно, более мудрых, но с недостатком энергии и энтузиазма) родительских образов пятнадцати изначальных государств ЕС. Отношения между двумя частями семьи часто натянуты и даже доходят до драки и потасовки.

ВТОРИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ ПЕРСОНИФИКАЦИИ. Доминантные ме-

тафоры *персонификации* «клуб» и «семья» поддерживались отдельными метафорами, которые добавляли «остроты» к образу «социальной» деятельности расширяющегося ЕС в европейской «общественности». В Новой Зеландии встречались следующие отдельные метафоры персонификации: *расширение – это поход по магазинам, расширение – это игра, расширение – это интеллектуальная / научная деятельность*. Напр., новые члены ЕС были заняты «**покупкой** благополучия» / «welfare **shopping**» (Colin Espiner). Также расширение было представлено как игра, в которой новые члены «что-то **выигрывали**, но в то же время что-то **теряли**» / «both **gaining** something, but also at the same time **losing** something» (Catherine Field). В этой игре Евросоюз «столкнулся с обескураживающими **трудностями**» / «faced daunting **challenges**», чтобы поднять экономические стандарты новых государств до стандартов Западной Европы. Кроме того, расширяющийся Евросоюз приступал к своему «самому амбициозному политическому **эксперименту**» / «most ambitious political **experiment**» (Michael Meyer). Приводилась цитата Тони Блэра, где он сравнивал вход десяти новых членов с «**катализатором** для изменений» / «**catalyst** for change» в ЕС (*Otago Daily Times*). Иммиграция, следующая за расширением, описывалась как сложная задача, к «**решению**» которой Брюссель должен «быстрее **приступить**» / «**come up with a solution** quickly» (Colin Espiner). Если решение не будет найдено, Евросоюз может потерять то, что является экономической возможностью десятилетия.

Как и в прессе Новой Зеландии, в австралийских газетах вступление в союз десяти новых членов рассматривалось как научная / исследовательская / учебная деятельность, где расширение являлось «**катализатором** для внезапного прогресса в экономических и стратегических мероприятиях» / «**catalyst** for sudden progress on economic and strategic challenges» (Geoff Kitney) и новой «**главой**» / a new «**chapter**» (Jonathan Este) в европейской истории. Новые государства-участники сравнивались с элементами «**сложной головоломки**» / the «**complex jigsaw**» (*Sydney Morning Herald*) Евросоюза. Присутствовал и образ похода за покупками – расширенный Евросоюз был представлен в качестве «**универсального магазина**, где могут делать бизнес 25 разных экономик» / a «**one-stop-shop** for doing business in 25 diverse economies» (*Canberra Times*).

В отличие от дискурса Новой Зеландии, австралийские СМИ ярко выражено показывали расширение ЕС как выступление на сцене – изменение границ ЕС на восток и на юг было «**драматичным**» / «**dramatic**» (Geoff Kitney), риск инвестиций в центральных европейских странах был «**драматически** снижен» / «**dramatically** reduced» (Geoff Kitney), а мировая политическая география должна пройти «самое **дра-**

матичное изменение контуров» / the «most **dramatic** redrawing» (Geoff Kitney) со времени падения Берлинской стены. Успех новых государств-участников зависел от того, как они «выступают в качестве ЕС по сравнению с тем, как они выступали вне союза» / how they «**perform** as EU members compared with the way they **performed** outside it» (Geoff Kitney). Некоторые новички, напр., Эстония, были названы «**выдающимися исполнителями**» / an «**outstanding performer**» среди переходных экономик ЕС (*Canberra Times*). Также становилась более важной «**роль** на международной **сцене**» / «**role** on the international **scene**» (*Canberra Times*) у Словакии. Новый, увеличенный Евросоюз иногда представлялся как импресарио шоу-бизнеса, который «**продвигает** идею более спокойного и более демократичного мира» / «**promoting** a more peaceful world ... [as well as] a more democratic one» (*The Australian*).

В австралийских газетах также была представлена метафора, дополняющая метафору здоровья – метафора пробуждения ото сна. Расширение «**разбудило**» / «**awoke**» (Geoff Kitney) Евросоюз и подтолкнуло его к ряду политических, экономических и социальных изменений. Новые государства-участники «**просыпались** от глубокого советского **сна**» / were «**waking up** from the big Soviet **sleep**» (Phil Jarratt and Alistair Jones). А устранение многих тарифов и барьеров для иностранных инвестиций в новых восточноевропейских странах «**пробуждало** интересы иностранных фирм» / was «**awakening** the interest of overseas firms» (*Canberra Times*).

В то время как доминантные метафоры *персонификации* были довольно конфликтными по своей сути, вторичные метафоры были более беспечными и дружелюбными. Метафоры, описывающие расширение как поход за покупками, игры, выступление на сцене и интеллектуальную и научную деятельность, значительно отличались от скандальных образов, сопровождаемых негативными коннотациями, которые были обнаружены в доминантных метафорах, описывающих расширение ЕС как клуб и семью. Однако вторичные метафоры, из-за их относительно низкой частотности в текстах новостей, не составляют значимого противовеса доминантным метафорам, следовательно, эти категоризации не противоречат образам серьезного противостояния, которые содержатся в доминантных метафорах. Тем не менее, и те, и другие метафоры составляют ключевую образность, изображающую Евросоюз как человека, совершающего повседневные поступки, что делает сложное политическое явление расширения ЕС легко узнаваемым и понятным.

Выводы. В данной работе рассмотрен конкретный случай метафорической категоризации – концептуальная метафора *персонификации* в убеждающем дискурсе новостей. Анализ основывается на предположениях, что в дискурсе новостей «из-за рубежа» содержится

большое количество лингвистических метафор, и что концептуальные метафоры *персонификации* составляют значительную часть всего корпуса метафор, обнаруженных в текстах новостей. Соответственно, в данном исследовании было выделено несколько продуктивных кластеров поверхностных метафор, объединенных концептуальной метафорой *персонификации*, в австралийских и новозеландских новостях, освещающих расширение Евросоюза.

Лакофф и Джонсон отмечали, что «персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия» [George Lakoff, Mark Johnson 2003: 34]. Что объединяет эти категоризации, так это то, что с их помощью мы можем понимать сложные феномены (включая явления внешней политики), «исходя из собственных мотиваций, целей, действий и свойств». Концептуальная метафора *персонификации* описывала расширение Евросоюза, сложное и противоречивое событие для Европы, в знакомых, «удобных» («user-friendly») терминах для международной аудитории вне союза. Метафора *персонификации*, будучи простой и узнаваемой, несет сильные контекстуализированные эмоциональные коннотации и эффективно передает прагматический подтекст. Используемые в СМИ образы наций и международных организаций (в нашей работе Евросоюза) как «реальных людей», вовлеченных в различные, преимущественно конфликтные, отношения, выявляют схему связей между мировыми «соседями». В данном исследовании было отмечено, что расширяющийся Евросоюз четко описан в терминах человеческих сообществ – клуба и семьи. Их члены участвуют в сложных отношениях, активно взаимодействуют друг с другом, испытывают смешанные эмоции и имеют проблемы со здоровьем.

Используемые метафорические категоризации выявили конфликтные, драматические и негативные аспекты расширения, показав их через знакомые повседневные сценарии «клуба» и «семьи». Это было отмечено как на макро-, так и на микро-уровне. Макро-уровень – это уровень определения концепта: концепт клуба представляет объединение людей, основанное на выборочном членстве и общих интересах, открывающее свои двери лишь немногим избранным. В отличие от этого, понятия семьи подразумевают безусловное и любезное принятие всех членов. Микро-уровень конфликтной образности можно наблюдать в сценариях фреймов. И метафора РАСШИРЕНИЕ ЕС – ЭТО КЛУБ, и метафора РАСШИРЕНИЕ ЕС – ЭТО СЕМЬЯ безоговорочно разделяют старые и новые государства ЕС и дают им совершенно разные, противоположные роли. Напр., старые государства-участники были описаны как родственники, которые старше, мудрее и богаче, а также

как члены клуба, которые, пользуясь властью, могут допустить или не допустить в общий европейский дом более бедных и более молодых новых участников ЕС. 15 членов ЕС имели выбор приветствовать новичков любезно или прохладно, а новые страны всеми силами старались вступить в союз. 15 государств ЕС были показаны старыми и слабыми, а десять новых стран изображались молодыми и энергичными. Кроме того, фрейм «семья» вывел на первый план драматичные натянутые отношения, слабое здоровье и эмоциональный дискомфорт как старых, так и новых членов ЕС.

Рэймонд Гоцци утверждал, что роль метафоры – выдвигать некоторые аспекты описываемого явления и в то же время скрывать другие, которые нужно проигнорировать и забыть [Gozzi 1999: 72]. Однако требования рекламы, диктующие СМИ предпочтение негатива и конфликта, превращают образ внешнего мира (в нашем случае ЕС) в матрицу противостоящих конфликтующих элементов, которые несут негативную нагрузку. Другая, несущая позитивную нагрузку, образность (также возможная во фреймах «семья» и «клуб») не была доминантной в рассматриваемых текстах новостей в обеих странах Австралии. Рассматривая наиболее явные категоризации, мотивированные концептуальной метафорой *персонификации*, данная работа также ставила целью осветить аспекты, на которые не обращают внимание составители новостей. Метафоры, как отмечает Ричард Бэйли, не являются неизменными [Bailey 2003], и в идеале составителям новостей и их потребителям приходится иметь дело с устоявшимися, переработанными и «готовыми к употреблению» образами.

Верно то, что метафоры «haute-couture» скорее всего не будут регулярно встречаться в текстах ежедневных новостей. Ограничения при составлении новостей обусловлены и мастерством журналистов, и тем, что читатели новостей предпочитают знакомые и узнаваемые образы, а также их нежеланием заново категоризировать уже установленные ментальные структуры [См.: Boulding 1956: 6-7]. Эти ограничения усложняют включение в дискурс новостей менее известных образов. Однако такое постоянство использования образов конфликта и негатива при изображении расширения ЕС может надолго оставить отпечаток в общественном мнении и таким образом способствовать созданию стереотипа. Под стереотипом мы понимаем концепт, который одна социальная группа часто использует, говоря о другой группе, чтобы оправдать определенное дискриминирующее поведение. Гоцци предупреждает нас, что концептуальные метафоры *персонификации* могут «создавать ошибочное чувство о преднамеренности и сплоченности сложных мероприятий внешней политики и дипломатии, которые в конце концов являются результатом множества конфликтов групп и инте-

ресов» [Gozzi 1999: 63].

Исторически, экономически и культурно десять новых государств ЕС имеют мало общего с Австралией и Новой Зеландией. Хотя в обеих странах имела место иммиграция из этих новых государств-участников ЕС, количество иммигрантов (по сравнению с другими европейскими странами) невысоко (Перепись населения 2001 в Новой Зеландии показала, что количество жителей Новой Зеландии, рожденных в новых государствах ЕС – Чешской республике и Словакии – очень низко: напр., 663 человека родились в Чешской республике и 141 родились в Словакии, 800 поляков приехали в годы II Мировой Войны, из них 734 – дети-сироты.). Идеологические отличия между двумя тихоокеанскими государствами-членами Организации по экономическому сотрудничеству и развитию и восемью в прошлом коммунистическими странами Центральной и Восточной Европы мешали более тесному политическому, экономическому и культурному взаимодействию в годы холодной войны. В отношении торговли, ни Австралия, ни Новая Зеландия не старались развивать связи с бывшими социалистическими странами. Исключения здесь – Мальта и Кипр: являясь членами Содружества, они традиционно имели больше связей с Австралией и Новой Зеландией.

При том, что личное общение австралийцев и новозеландцев с жителями новых государств ЕС происходит в малой степени, новости в СМИ остаются основным источником информации о Евросоюзе [Chaban, Holland 2005]. Мы полагаем, что образность, рассмотренная в данной работе, влияет на отношение общественности и Австралии, и Новой Зеландии к взаимодействию их стран с расширяющимся Евросоюзом. Напр., изображение ЕС в образе членов (которым присущи снобизм и избирательность, которые осторожны в связях) клуба, куда ограничен доступ, передает идею, что у чужаков могут возникнуть трудности, если им понадобится войти в «крепость Европу». Подобно этому, образы ссорящейся семьи передают идею, что у чужаков есть шанс оказаться вовлеченными во внутренние драки в ЕС.

Однако противоречие, обнаруженное на макро- и микро-уровне метафорического моделирования, показывает, что существует и другая основа общественного восприятия. «Семья» ЕС все-таки поделилась своим «общим домом», иногда открывая двери, обнимая новичков и устраивая празднования в их честь. Десять новичков были показаны полными энтузиазма, энергии и бодрости, и они могли оживить старый ЕС. Более того, противоречивость метафорических образов позволила дискурсам СМИ Австралии передать идею того, что Евросоюз все-таки имеет значение для Тихоокеанского региона. Хотя 25 государств-участников Евросоюза изображались физически нездоровыми, они не были показаны переносчиками инфекционных заболеваний, опасных для других стран. Иногда увеличенный Евросоюз изображался слабым,

больным, лишенным энергии, но ни в коем случае эти болезни не переносятся им за пределы союза. Может, Евросоюз и был показан погруженным в негативные эмоции паники и страха, но эти эмоции не отражались на других странах. Более того, было отмечено, что стремления ЕС к изменениям поощряются другими государствами (в нашем случае Австралией и Новой Зеландией). Не удивительно, что образы романтических отношений вошли в новости, освещающие расширение, именно в контексте семейных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. При том, что Евросоюз занят созданием собственного «бренда» [Berry 2006] (что, как предсказывают, будет полезным для объяснения его политики его гражданам), он не придает значения общественному мнению зарубежных стран для процесса создания «бренда». Цель данной работы – показать значение особенностей образа ЕС, созданного за границами Союза. Также мы попытались предупредить участников о том, что сейчас в мире складываются стереотипы расширенного Евросоюза. В работе рассмотрены два случая репрезентации расширения Евросоюза средствами концептуальной метафоры *персонификации* – в новостях Австралии и Новой Зеландии. Драматичная и сильная образность, результат этой концептуализации, также как и прагматические импликации, возникающие при использовании этих образов в региональных публичных дискурсах, показывают необходимость систематического и регулярного анализа репрезентаций ЕС во всем мире. Без этого публичная дипломатия Евросоюза, «Золушка в мировой деятельности ЕС» / «the current Cinderella of the EU's global engagement», рискует никогда не попасть на «бал» международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abrams, Meyer H. *The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition.* (New York: Oxford University Press, 1953).

Bailey, Richard. «Conceptual Metaphor, Language, Literature and Pedagogy». *Journal of Language and Learning* 1, no. 2 (2003).

Boulding, Kenneth E. *The Image: Knowledge in Life and Society.* (Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956)

Broström, Sofia. *The Role of Metaphor in Cognitive Semantics.* Lund University Cognitive Studies, 31 LUHFDA/HFKO-3003-SE (Lund: Lund University, 1994), 38.

Burgess, John. «Unease about Poland's EU Entry.» *Otago Daily Times*, May 3 2004.

Burke, Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose.* 2d rev. ed. (New York: New Republic, 1965).

Chaban, Natalia and Martin Holland (eds). *The EU Through the Eyes of the Asia-Pacific: public perceptions and media representations* NCRE Research Series No.4 (University of Canterbury: NCRE, 2005).

de Gouveia, Phillip Fiske and Hester Plumridge. *European Infopolitik: Developing EU Public Strategy* (London: The Foreign Policy Centre, 2005), 10.

de Vreese, Claes H. «Communicating Europe». *Foreign Policy Centre/British Council*

- Next Generation Democracy Pamphlet. <<http://www.network-europe.net>> (October 4, 2005).
- Glynn, Dylan. «Love and Anger: the Grammatical Structure of Conceptual Metaphors». *Style* 36, no.3 (2002): 541-559.
- Gozzi, Raymond. *The Power of Metaphor in the Age of Electronic Media* (Cresskill, NJ: Hampton Press Inc, 1999).
- Kuhn, Thomas S. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2d ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1970).
- Lakoff, George and Mark Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago, 2003.
- Lakoff, George. *Metaphor in Politics. An Open Letter to the Internet*. 1991 <<http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff-l.htm>> (August 12, 2004).
- Leary, David E. «Naming And Knowing: Giving Forms to Things Unknown» *Social Research*, 62, no.2 (1995). Database: Academic Search Premier
- Leerssen, Joep. *National identity and National Stereotype*, 1998. www.hum.uva.nl/images (August 3, 2005).
- Manners, Ian and Richard G. Whitman, «Towards Identifying the International Identity of the European Union: A Framework for Analysis of the EU's Network of Relationships», *European Integration*, 21 (1998): 231-49.
- Meyer, Christoph. «Political Legitimacy and the Invisibility of Politics: Exploring the European Union's Communication Deficit». *Journal of Common Market Studies* 37, no. 4 (1999): 617-39.
- Pepper, Stephen C. *World Hypotheses: A Study in Evidence* (Berkeley: University of California Press, 1942).
- Sain Iey Berry, Peter «In Search of European Brand», *EUobserver*, May 5, 2006. <www.EUobserver.com> (May 7, 2006).
- Santa Ana, Otto. «'Like an Animal I was Treated': Anti-Immigrant Metaphor in US Public Discourse». *Discourse and Society* 10, no.2 (1999): 191–224 .
- The Encyclopaedia of New Zealand: Te Ara. «1870s–1940s: Refugee Groups». <http://www.teara.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Refugees/2/en> (June 15, 2006).
- The Encyclopaedia of New Zealand: Te Ara. «Central and South-eastern Europeans» <<http://www.teara.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/CentralAndSouth-easternEuropeans/5/en>> (June 15, 2006).
- Wallström, Margot. «Communicating a Europe in Stormy Waters: Plan D», *SPEECH/05/396*, June 28, 2005a.
- Wallström, Margot. Interview for EurActiv Slow progress on communication strategy due to Commission's internal problem <http://www.euractiv.com/Article?tcmmuri=tcmm:29-137597-16&type=Interview> Published: Wednesday 6 April 2005;
- Wallström, Margot. Speech, Presented By The Director-General Of Dg Press, Mr Jorge De Oliveira E Sousa Commission de la Culture et de l'éducation (CULT) Lundi, 14 Mars 2005, 15:00 h, Bruxelles, PHS, P5B001.
- Whirman, Richard. *Global Europe 02: New Terms of Engagement*. The Foreign Policy Centre, 2005.
- Wikipedia, «Stereotype» <<http://en.wikipedia.org/wiki/Stereotype>> (June 15, 2006).

© Наталия Чабан, Джессика Бейн, Катрина Статс, 2006

© Зайцева А.Б. (перевод), 2006